

Имплицитные обещания в русском политическом дискурсе

Парфенова Л.В.

Московский государственный лингвистический университет (ФГБОУ ВО МГЛУ), г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-1159-5074>, e-mail: lidova2011@gmail.com

Актуальность проведенного исследования обусловлена существенным практическим и теоретическим интересом к имплицитности, в частности к функционированию имплицитных обещаний в русском политическом дискурсе. В статье представлены результаты эксперимента, проведенного автором в 2023–2024 гг. с целью выявления лингвистических характеристик имплицитного политического обещания на русском языке, описания и оценки влияния полимодальности на восприятие промиссивного текстотипа аудиторией. Для достижения поставленной цели были использованы методы сплошной компьютерной выборки, анкетирования и критического дискурс-анализа, которые позволили выявить лексические маркеры реализации интенции обещания в имплицитном виде в русском политическом дискурсе, а также описать влияние полимодальности на перлокуцию обещания. Выборка исследования включала мини-тексты с ведущей промиссивной интенцией, отобранные за период с 1998 по 2024 год.

Ключевые слова: обещание, имплицитность, политический дискурс, прагматика, полимодальность, промиссивный текстотип.

Для цитаты: Парфенова Л.В. Имплицитные обещания в русском политическом дискурсе [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2024. Том 11. № 2. С. 8–18. DOI: [10.17759/langt.2024110201](https://doi.org/10.17759/langt.2024110201)

Implicit Promises in Russian Political Discourse

Lidia V. Parfenova

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia,

ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-1159-5074>, e-mail: lidova2011@gmail.com

The relevance of the research is due to the significant practical and theoretical interest in implicitness, in particular, to the functioning of implicit promises in Russian political discourse. The article presents the results of an experiment conducted by the author in 2023–2024 in order to identify the linguistic characteristics of an implicit political promise in Russian, describe and evaluate the

impact of polymodality on the perception of a promissive textotype by the audience. To achieve this goal, methods of continuous computer sampling, questionnaires and critical discourse analysis were used, which allowed to identify lexical markers of the implementation of the intention of a promise in an implicit form in Russian political discourse, as well as to describe the influence of polymodality on the perlocation of a promise. The study sample included mini-texts with a leading promissive intention, selected for the period from 1998 to 2024.

Keywords: promise, implicitness, political discourse, pragmatics, polymodality, promissive typical text.

For citation: Parfenova L.V. Implicit Promises in Russian Political Discourse. *Yazyk i tekst = Language and Text*, 2024. Vol. 11, no. 2, pp. 8–18. DOI: 10.17759/langt.2024110201 (In Russ.).

Введение

Использование иллюкативной силы обещания в политическом дискурсе часто является составляющим элементом тактики убеждения. Для него характерно существенное присутствие персуазивной интенции адресанта, т. е. намерения убедить адресата в определенном положении дел или сообщить/навязать ему намеченную точку зрения. Выдача обещания в явной и имплицитной форме в политическом дискурсе сопровождается невербальным воздействием. Для уточнения вербальных способов выражения имплицитных промиссивов, а также для описания их функционирования в речи, нами проведено многоступенчатое исследование устных и письменных имплицитных обещаний. Вначале были изучены новейшие работы по теории имплицитности. Затем было отобрано около 100 фрагментов текстов, предположительно содержащие промиссивную интенцию — мы определяем их как потенциально промиссивные текстотипы. Наконец, был проведен опрос респондентов, которым предлагалось отметить те тексты или фрагменты, которые, по их мнению, содержат обещания. По результатам анализа результатов выделены лингвистические маркеры имплицитного обещания. На втором этапе, в процессе валидизации, изучена реализация имплицитного обещания в разных модальностях, получены окончательные результаты. В данной статье мы ограничимся анализом обещаний в политическом дискурсе. Теоретической базой исследования послужили положения теории речевых актов [11], теории имплицитности [2; 9] и теории релевантности [14]. К анализу применялись методы исследований речевого поведения [1; 3; 10; 12; 13], а также критический дискурс-анализ [7].

Доказав, что смысл высказывания может передаваться не только эксплицитно (явно), но и с помощью коммуникативной имплицатуры — это понятие объединяет такие смыслы, как «подразумевать», «предполагать» и «иметь в виду». Г.П. Грайс разделил все контексты на конвенциональные и неконвенциональные. Далее мы рассмотрим, как это разделение влияет на анализ имплицитности.

Несколько отличное от Г.П. Грайса видение имплицитности дает французский ученый К. Кербрат-Оречиони. В своих размышлениях о смысле высказывания она отрицает категоричные суждения, принятые многими лингвистами: одно, предполагающее, что высказывание лишено смысла само по себе, но приобретает его в процессе произнесения в контексте, и другое, постулирующее, что смыслом высказывания является то, что слушающий в нем понял (предполагающее идеального адресата). В своей работе *L'implicite* ученый рассматривает многочисленные примеры функционирования имплицитности в речи, подробно рассматривает разные типы пресуппозиций и имплицатур, выделяя в имплицатурах

намеки и инсинуации [9, с. 25–39], проводит глубокий анализ функционирования этих явлений в речи, помещая их на воображаемой оси имплицитности [4]. В более поздних работах авторов теории релевантности [15], а также в работах других современных лингвистов, подробнее изучаются лингвистические и прагматические характеристики имплицитности, формируется теоретическая база. Учеными делаются попытки описать процесс инференции смыслов [11], оценить ответственность автора имплицитного сообщения [8], описать влияние лингвистических маркеров имплицитности [6], разграничить имплицитность содержания высказывания и имплицитность ответственности адресанта. К первой группе относят импликацию и вариативность (*le vague* — возможность широкого толкования содержания в силу неопределенного множества импликаций). Ко второй группе относят пресуппозицию и топик [10]. Предлагаются количественные способы оценки имплицитности [10], а также расширяется подход к анализу дихотомии ложь/введение в заблуждение с учетом описания прагматического вклада, необходимого адресату для достижения минимального уровня достоверности высказывания [8].

Описывая процесс инференции смыслов, ученые отмечают, что прагматические выводы, необходимые для восстановления полного смысла высказывания, называемые прагматическим обогащением, могут реализовываться в виде завершений или расширений [Bach 1974; цитируется по 8; 13]. В отличие от импликаций, прагматические обогащения, называемые также экспликациями [12; 14], рассматриваются как интуитивная часть высказывания, способствующая его экспликации. Импликация, или прагматический вывод, возникает (или не возникает) на основании такого дополненного содержания, так как только обогащенное содержание дает почву для анализа истинности всего высказывания.

Для последующего анализа имплицитных обещаний дадим краткую характеристику некоторым типам дискурсов с точки зрения присутствия в них имплицитности.

Бытовое повседневное общение представителей одной культуры можно считать наиболее сформированным с точки зрения эффективности использования имплицитности. В паре «неподготовленное сообщение — неподготовленный адресат» наличие общих базовых знаний и высокая степень конвенциональности способствует активному использованию намеков, при этом извлечение смысла не затруднено. Это естественная имплицитность с высокой частотностью в дискурсе.

Художественный текст и читатель как континуум «подготовленное сообщение — подготовленный адресат» также находятся в зоне повышенной плотности имплицитности. Это интеллектуальная имплицитность с высокой частотностью в дискурсе, по отношению к которому читатель заранее настраивается на получение информации и располагает временем на обдумывание. Исключения составляют жанр комикса и функционально-смысловой тип речи описание, где имплицитность практически исключена. В первом случае небольшой по объему текст сопровождается изображениями, и активируемое ими фрагментарное мышление заменяет креативное. Во втором случае детальное описание оставляет мало места для ассоциаций и намеков.

Рекламный дискурс с парой «подготовленное сообщение — частично подготовленный адресат» задает высокий уровень восприятия неявной информации без приложения дополнительных когнитивных усилий. С рекламой адресат, как правило, сталкивается внезапно, но у него есть возможность несколько раз пересмотреть/перечитать, если смысл сразу не понят. Это примитивная имплицитность с высокой плотностью в дискурсе.

Если анализировать *публичные выступления*, то здесь имплицитность формируется в паре

«подготовленное сообщение — подготовленный/неподготовленный адресат». В данном случае коммуникативное намерение направлено на людей, которые, как правило, имеют определенные ожидания. Получателем сообщения может быть и неподготовленный адресат, услышавший выступление случайно. В обоих случаях коммуникативная интенция автора обещания может быть осмыслена со временем, но может быть и заблокирована в силу слишком глубокой имплицитности. Примечательно, что если адресат может продолжать осмысливать сказанное, и перлокутивный эффект (доверие, испуг, уважение, корректировка планов и др.) наступит в свое время, то для адресанта данный речевой акт завершен. Он сможет скорректировать созданную им ситуацию либо при помощи другого РА (отказа от обещания, подтверждения обещания), либо действием (выполнением/невыполнением обещания). Присутствие имплицитности значительно, но порождение имплицитности может быть затруднено в связи с разнородностью аудитории и яркими институциональными характеристиками дискурса. Имплицитность в публичных выступлениях представлена во всем многообразии: в пресуппозициях и топиках — с целью формирования общественного мнения, в вариативности и имплицитурах — для соблюдения формальных этических норм и передачи информации с двусмысленным содержанием. Охарактеризуем ее как многослойную.

Особенности имплицитных обещаний политиков

Осмысление имплицитности тесно связано с изучением грамматической структуры высказывания и контекста. В случае произнесения обещаний людьми, наделенными властными полномочиями, уровень персональной ответственности адресанта за принятое обязательство является эксплицитно-высоким. Однако неясность содержания обещания и отсутствие четких временных горизонтов его выполнения (незаполненные семантические валентности) могут нивелировать запланированный положительный эффект от использования промиссива.

Пример 1. Имплицитное политическое обещание: «С многодетной мамой Оксаной Алексеевной Лисейцевой я пообщался по вопросам благотворительной деятельности, которую ведет их семья. У нее уже 11 детей! В Год семьи, объявленный президентом, приложу все усилия, чтобы Оксана Алексеевна получила статус «Мать-героиня», — сообщил по итогам приема граждан Михаил Развожаев, губернатор города, секретарь Севастопольского регионального отделения партии «Единая Россия», проводивший прием граждан, 01.12.2023.

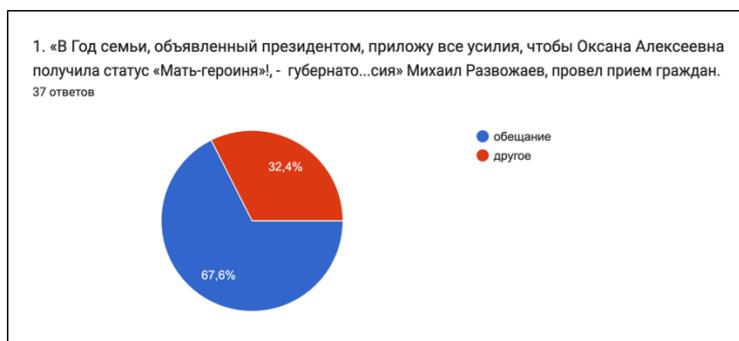

Рис. 1. Имплицитное политическое обещание. Результаты эксперимента 1

В данном примере «приложу все усилия» является лексическим маркером промиссива, смысл которого выводится как готовность сделать все, что только возможно, чтобы достичь поставленной цели. Подразумевается максимальный вклад усилий, энергии и собственных ресурсов для достижения желаемого результата. Таким образом, формально отсутствует, но

подразумевается заполнение валентности содержания обещания, указан пациенс (мать), а также четко определена цель добиться получения статуса «мать-героиня». Дополнительный анализ контекста, учет того факта, что говорящий является административным лицом и имеет возможность предпринять определенные действия для достижения поставленной цели, позволяет сформировать импликацию обещания, что подтверждают результаты опроса (рис. 1).

Пример 2. Имплицитное обещание (буд+inf) в агитационном плакате: «Слышим людей. Сможем сделать. Партия Единая Россия».

В период предвыборной агитации активно используется политическая реклама, формирующая общественное мнение с использованием новых технологий. Обладая характеристиками политического и рекламного дискурсов, политическая реклама характеризуется размыванием критериев институциональности. Имплицитность позволяет передать иллюзию обещания, несмотря на усеченность грамматических конструкций в политических лозунгах.

Рис. 2. Имплицитное политическое обещание

Текст рекламы (рис. 2) большинством респондентов распознан как обещание. Отсутствие глаголов промиссивной семантики не затрудняет инференцию смысла. Имплицитность присутствует как на уровне ответственности («слышим» предполагает наличие диалога, — распределенная ответственность), так и на уровне содержания (адресат ожидает и догадывается, что именно сможет сделать автор), позволяя сформироваться обещанию в импликатуре.

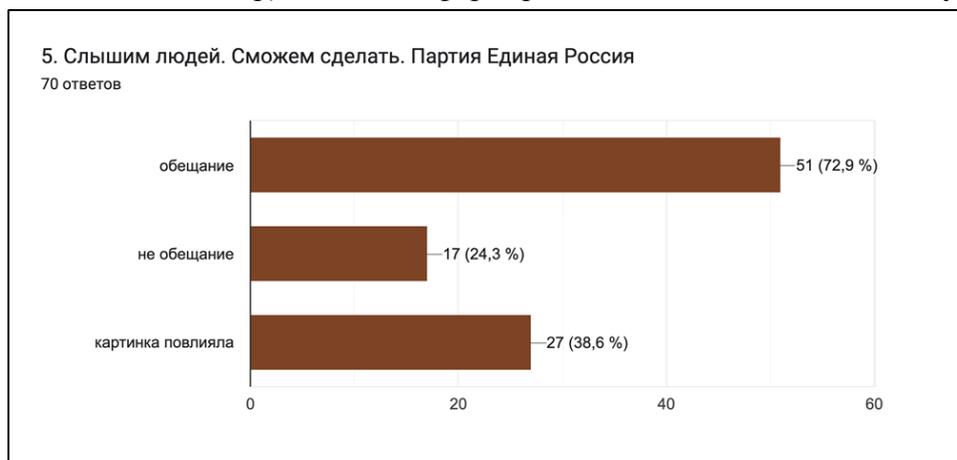

Рис. 3. Имплицитное политическое обещание. Результаты эксперимента 2
Влияние полимодальности (использования граффов, в частности приема капитализации,

с написанием узуальных слов прописными буквами, то есть умышленного нарушения нормы с целью привлечения зрительного внимания), а также использование известной личности в качестве объекта рекламы, повлияло на перцепцию данного промиссивного текстотипа в качестве обещания в 39% случаев (рис. 3).

Пример 3. Имплицитное политическое обещание (буд., СВ) в ответной реплике диалога: «... если вы нам напишете конкретное письмо с пожеланиями о тех формах поддержки/ которые мы могли бы оказать/ — обязательно сделаем», встреча министра иностранных дел С.В. Лаврова со студентами БФУ им. И. Канта, 2016 (рис. 4).

Рис. 4. Имплицитное политическое обещание

Абсолютное большинство респондентов отнесли данный текстотип к обещаниям (рис. 5). Имплицитность здесь формируется союзом «если», лексическим маркером промиссива выступает группа «обязательно сделаем». Личность адресанта в данном случае довольно сильно повлияла на распознавание обещания (56%), одновременно снижая имплицитность ответственности и нивелируя имплицитность содержания, создаваемую отсутствием предмета обещания и неопределенностью временной перспективы. Роль невербальных средств, в данном случае фотоотчета, транслирующего жест (на слове «сделаем» карандаш в руке едва заметно опускается, как бы ставя точку), несущественна (17%).

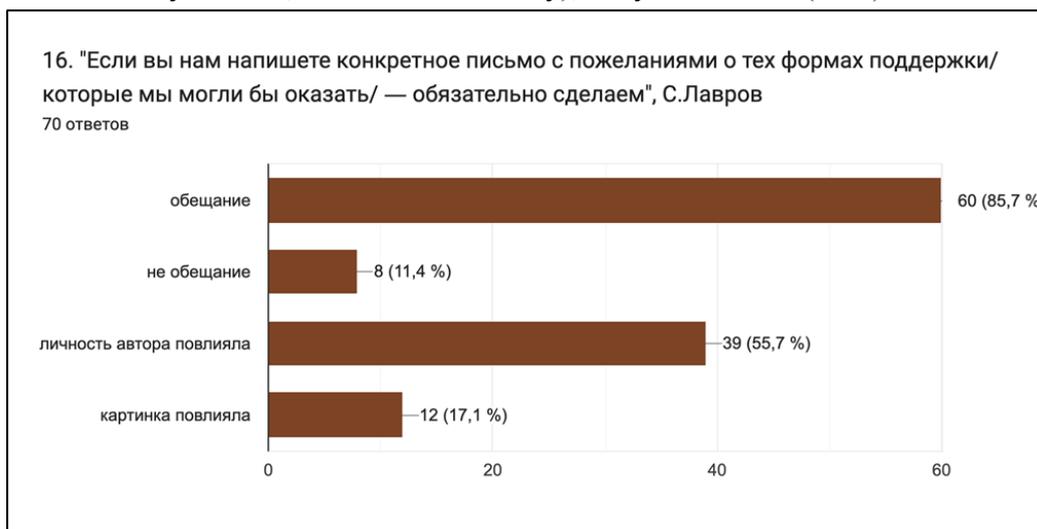

Рис. 5. Имплицитное политическое обещание. Результаты эксперимента 2

Имплицитные высказывания позволяют избежать использования глаголов промиссивной группы в пользу более «мягких» конструкций с неопределенной зоной ответственности и

при этом передавать промиссивное намерение говорящего. Такой характер речи может быть связан как с природной внутренней застенчивостью говорящего, так и с «незрелостью» собственно обещания, т.е. к моменту говорения не выполнено одно или несколько подготовительных условий Дж. Серля [11]. Можно предположить также, что современная публичная речь подвержена влиянию европейской речевой моды, а именно прослеживается тенденция к выбору менее категоричных высказываний из ряда возможных синонимов, к сглаживанию углов, к применению политики мягкой силы. Для дипломатического дискурса это само собой разумеется. Использование имплицитности может также являться приглашением к совместной словесной дуэли в среде интеллектуалов. Таким образом, промиссивная интенция, не реализованная эксплицитно в речевом акте, остается латентной. В таких случаях лингвистические характеристики высказывания не позволяют однозначно отделить намерение от обещания. Несмотря на это, мы можем сделать важный вывод о том, что интенция обещания, реализованная имплицитно, будет также обладать иллюкутивной силой обещания. Перлюкутивный эффект данных высказываний (влияние, оказываемое на адресата) будет однако частично отличаться от перлюкуции эксплицитного обещания: с одной стороны, имплицитные обещания также порождают ожидания, с другой стороны — адресату трудно однозначно квалифицировать данное коммуникативное послание и приходится проделывать дополнительную умственную работу по определению значимости для него данного сообщения. Когнитивные способности человека в каждом конкретном случае позволяют либо условно достроить дискурсивную цепочку до уровня высказывания с высокой степенью надежности (приблизив к обещанию), либо остаться в зоне имплицитности (состоянии информационной неопределенности). Подобные прагматические обогащения всегда очень персональны, культуроспецифичны и подвержены влиянию экстралингвистических факторов. В некоторых случаях отношение аудитории к личности субъекта высказывания и его социальному статусу являются определяющими факторами, позволяющими распознать обещание, но не стоит, однако, переоценивать важность данного компонента.

Пример 4. Имплицитное политическое обещание: «Постараемся на этом месте создавать новые общие городские пространства / ну то есть скверы какие-то...», выступление Губернатора Рязанской области Н.В. Любимова, 2017 (рис. 6).

Рис. 6. Имплицитное политическое обещание

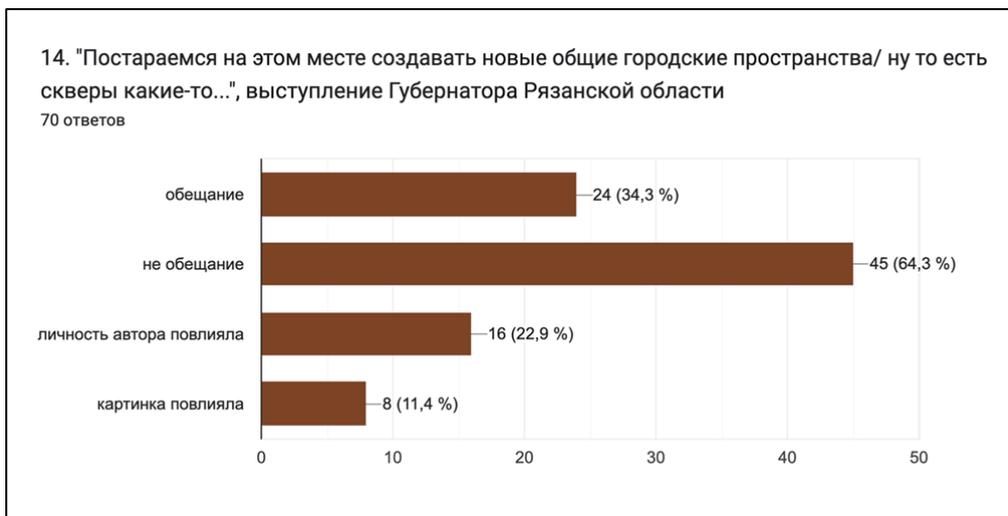

Рис. 7. Имплицитное политическое обещание. Результаты эксперимента 2

На примере 4 (рис. 6, рис. 7) наблюдаем влияние неузуального синтаксиса и отсутствия четких горизонтов планирования на распознавание обещания. Лексема «постараемся» маркирует неуверенность адресанта, блокируя формирование запланированной им имплицитности. Оценивая роль полиmodalности в реализации интенции обещания, можно констатировать, что частотный жест неширокого разведения рук ладонями вверх транслирует промиссивную интенцию адресанта с одновременной неуверенностью в возможности реализации обещанного. Результаты опроса, однако, показывают, что респонденты в большей степени ориентируются на лингвистические характеристики высказывания, чем на зрительную перцепцию.

Интенция обещания в политическом дискурсе присутствует также в высказываниях с использованием глаголов в форме 3 лица будущего времени: «Наша партия обеспечит ...», а также в настоящем времени, в декларативах: «Я поддерживаю строительство, продолжайте».

Заключение и выводы

Проведенный анализ примеров имплицитных обещаний в политическом дискурсе показывает, что в большинстве случаев они представляют собой негармоничные триады, то есть высказывания, изначальным намерением которых является желание использовать силу обещания для воздействия на слушателя в целях реализации какого-то другого намерения адресанта. Реализация интенции обещания в имплицитном виде в политическом дискурсе выявлена в следующих жанрах: в публичных выступлениях, новостных сообщениях, предвыборной агитационной рекламе, публикациях в соцсетях. Грамматически имплицитные обещания в политике реализуются при помощи глаголов в форме 1 или 3 лица будущего времени. Интенция обещания содержится также в декларативах. В последнем случае, однако, без усиления лексическими маркерами реализация промиссивной интенции может блокироваться.

На примере агитационных плакатов подтверждается общая тенденция к размыванию границ институциональности дискурсов.

По результатам эксперимента выделены лингвистические маркеры имплицитного обещания в политическом дискурсе: «приложу все усилия»; «ни при каких обстоятельствах»; «конечно, обязательно+буд. вр.»; «мы готовы»; «я это уже обещал и...» как тактика

продолжения ранее выданного обещания. Неузальный синтаксис и условное наклонение блокируют реализацию промиссивной интенции. Полиmodalность обещания в политическом дискурсе (позы, жесты, звуки, картинки, граффоны) способствует лучшему пониманию истинного намерения адресанта, снижает уровень манипуляции. Однако при распознавании интенции обещания и инференции смысла высказывания ее влияние в количественном выражении уступает лингвистическим показателям.

Литература

1. Винокур Т.Г. Говорящий и слушающий: варианты речевого поведения. 1993. М.: Наука. 180 с.
2. Грайс Г.П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. 1985. М.: Прогресс. С. 217–237.
3. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. 2017. М.: Ленанд. 308 с.
4. Парфенова Л.В. Актуальные вопросы теории имплицитности с позиций лионской школы дискурсологии // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. 2021. Вып. 8 (850). С. 94–105. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_8_850_94
5. Cimmino D., Cominetti F. L'italien davvero comme déclencheur de contenus implicite dans le discours persuasif [Электронный ресурс] // Journal de pragmatique. 2023, pp. 84–95. URL: <https://www.sciencedirect.com/journal/journal-of-pragmatics/special-issue/10MG77H4P91> (дата обращения: 30.04.2024).
6. Fairclough N. Critical Discourse Analysis: The Critical Study of Language. 2010. London, New York: Longman. 608 p.
7. Hall A., Mazarella D. Pragmatic inference, levels of meaning and speaker accountability [Электронный ресурс] // Journal of pragmatics. 2023, pp. 92–110. URL: <https://www.sciencedirect.com/journal/journal-of-pragmatics/special-issue/10MG77H4P91> (дата обращения: 30.04.24).
8. Kerbrat-Orecchioni C. L'implicite. 1998. Paris: Armand Colin. 404 p.
9. Lombardi Vallauri E. L'implicite comme moyen de persuasion: une approche quantitative, [Электронный ресурс] // Corela, HS–25, 2018. URL: <http://journals.openedition.org/corela/6112>. DOI: <https://doi.org/10.4000/corela.6112> (дата обращения: 30.04.24).
10. Maillat D. Mettre de l'ordre dans vos inférence: limiter la variabilité des inférences pragmatiques [Электронный ресурс] // Journal of pragmatics. 2023, no. 205, pp. 157–168. URL: <https://www.sciencedirect.com/journal/journal-of-pragmatics/special-issue/10MG77H4P91> (дата обращения: 30.04.24).
11. Searle J. Sens et expression: Etudes de théorie des actes de langage. 1982. Paris: Les Editions de Minuit. 248 p.
12. Saussure (de) L. Parallélisme et linéarité de l'interprétation: remarques sur un cas de causalité implicite // Intellectica. 2005/1, no. 40, pp. 43–62. DOI: 10.3406/intel.2005.1358.
13. Saussure (de) L. Implicatures et métareprésentations en contexte de presse écrite // Revue Tranel. 2006, no. 44, pp. 57–75.
14. Sperber D., Wilson D. La pertinence. Communication et cognition. 1989. Paris: Ed. Du Minuit. 400 p.
15. Wilson D., Sperber D. Meaning and Relevance [Электронный ресурс] // Cambridge University Press. 2012. URL: <https://retoricaepragmatica.wordpress.com/wp-content/uploads/2019/02/deirdre-wilson-dan-sperber-meaning-and-relevance-2012-cambridge-university-press.pdf> (дата обращения: 12.05.2024).

References

1. Vinokur T.G. Govoryashchii i slushayushchii: varianty rechevogo povedeniya [Speaker and listener: variants of speech behavior]. 1993. Moscow: Nauka. 180 p. (In Russ.).
2. Grais G.P. Logika i rechevoe obshchenie [Logic and speech communication]. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike = New in foreign linguistics*. Vyp. XVI. 1985. Moscow: Progress, pp. 217–237 (In Russ.).
3. Issers O.S. Kommunikativnye strategii i taktiki russkoi rechi [Communicative strategies and tactics of Russian speech]. 2017. Moscow: Lenand. 308 p. (In Russ.).
4. Parfenova L.V. Aktual'nye voprosy teorii implitsitnosti s pozitsii lionskoi shkoly diskursologii [Current issues of the theory of implicitness from the point of view of the Lyon school of discourse studies]. *Vestnik MGLU. Gumanitarnye nauki = Bulletin of Moscow State Linguistic University. Humanities*. 2021. Vyp. 8 (850), pp. 94-105. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_8_850_94 (In Russ.).
5. Cimmino D., Cominetti F. L'italien davvero comme déclencheur de contenus implicite dans le discours persuasif [Elektronnyi resurs] // *Journal de pragmatique*. 2023, pp. 84-95. Available at: <https://www.sciencedirect.com/journal/journal-of-pragmatics/special-issue/10MG77H4P91> (Accessed: 30.04.2024).
6. Fairclough N. *Critical Discourse Analysis: The Critical Study of Language*. 2010. London, New York: Longman. 608 p.
7. Hall A., Mazarella D. Pragmatic inference, levels of meaning and speaker accountability [Elektronnyi resurs] // *Journal of pragmatics*. 2023, pp. 92–110. Available at: <https://www.sciencedirect.com/journal/journal-of-pragmatics/special-issue/10MG77H4P91> (Accessed: 30.04.24).
8. Kerbrat-Orecchioni C. *L'implicite*. 1998. Paris: Armand Colin. 404 p.
9. Lombardi Vallauri E. L'implicite comme moyen de persuasion: une approche quantitative, [Elektronnyi resurs] // *Corela*, HS–25, 2018. Available at: <http://journals.openedition.org/corela/6112>. DOI: <https://doi.org/10.4000/corela.6112> (Accessed: 30.04.24).
10. Maillat D. Mettre de l'ordre dans vos inférence: limiter la variabilité des inférences pragmatiques [Elektronnyi resurs] // *Journal of pragmatics*. 2023, no. 205, pp. 157–168. Available at: <https://www.sciencedirect.com/journal/journal-of-pragmatics/special-issue/10MG77H4P91> (Accessed: 30.04.24).
11. Searle J. *Sens et expression: Etudes de théorie des actes de langage*. 1982. Paris: Les Editions de Minuit. 248 p.
12. Saussure (de) L. Parallélisme et linéarité de l'interprétation: remarques sur un cas de causalité implicite // *Intellectica*. 2005/1, no. 40, pp. 43–62. DOI: 10.3406/intel.2005.1358.
13. Saussure (de) L. Implicatures et métareprésentations en contexte de presse écrite // *Revue Tranel*. 2006, no. 44, pp. 57–75.
14. Sperber D., Wilson D. *La pertinence. Communication et cognition*. 1989. Paris: Ed. Du Minuit. 400 p.
15. Wilson D., Sperber D. *Meaning and Relevance* [Elektronnyi resurs] // Cambridge University Press. 2012. Available at: <https://retoricaepragmatica.wordpress.com/wp-content/uploads/2019/02/deirdre-wilson-dan-sperber-meaning-and-relevance-2012-cambridge-university-press.pdf> (Accessed: 12.05.2024).

Парфенова Л.В.
Имплицитные обещания в русском политическом
дискурсе
Язык и текст. 2024. Том 11. № 2. С. 8–18.

Parfenova L.V.
Implicit Promises in Russian Political Discourse
Language and Text. 2024. Vol. 11, no. 2, pp. 8–18.

Информация об авторе

Парфенова Лидия Владимировна, соискатель ученой степени кандидата филологических наук кафедры русского языка и теории словесности, Московский государственный лингвистический университет (ФГБОУ ВО МГЛУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-1159-5074>, e-mail: lidova2011@gmail.com

Information about the author

Lidia V. Parfenova, PhD student, Department of Russian Language and Theory of Literature, Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-1159-5074>, e-mail: lidova2011@gmail.com

Получена 01.06.2024
Принята в печать 15.06.2024

Received 01.06.2024
Accepted 15.06.2024